



*Эта история посвящается моей маме,  
Кармеле Каноло.  
Спасибо тебе за то, что всегда остаешься  
моей самой преданной поклонницей.*



# Пролог

Жизнь порой любит над нами посмеяться. В какой-то момент, когда ей становится скучно наблюдать за кем-то вроде меня, у нее рождается идея: «Эй, а что, если поглумиться над Амелией? Ну же! Будет весело!»

Не теряя времени даром, друзья жизни — драма, боль, неопределенность и неудача — восклицают: «Да, черт возьми! Можешь на нас положиться! Глянь-ка, какой смерч дерьма мы умеем вызывать!»

И тогда они приступают к работе: внедряются в нашу жизнь, поднимают бурю, а потом сидят с холоденьким пивом в руках и пиццей и смеются, смеются, смеются. Почему я так думаю? Да потому, что временами мне кажется, будто вся моя жизнь на Земле — это один нескончаемый эпизод под названием «Тысяча и один способ доконать Амелию».

Где-то в мире живет человек, неистово жаждущий моей смерти. Этот ведомый мстью мужчина, Тони, уже успел натворить немало бед и даже убил невинных людей. Но при всем при этом моя голова забита другими проблемами: я влюблена в парня, с которым никогда не смогу быть вместе, потому что рядом со мной он обречен на страдания. Эйдену и без того достается с лихвой: мало того, что он узнал о моей лжи, так его еще и арестовали по подозрению в убийстве собственного отца, Грега. Нет, Эйден не убийца; он однозначно *не*

способен на такое. Или способен? Насколько мне известно, Эйден отчаянно защищает близких ему людей. Он готов на все ради своих братьев... Но убийство?

Хотя Эйден всем сердцем ненавидит отчима — и я не сомневаюсь, что причиной его ненависти послужило жестокое обращение Грега, — я все равно не могу представить ситуацию, чтобы Эйден совершил убийство, а потом как ни в чем не бывало пришел ко мне в гости смотреть фильмы.

С чего вообще полиция решила, что убийство совершил Эйден? Он ведь весь вечер был у меня дома, а до этого тусовался с Мэйсоном. Разве нет? Когда умер Грег? Он вышел из тюрьмы всего пару недель назад. Неужели вместо того, чтобы повидаться со своим сыном Райаном и провести с ним время, он сразу же принялся за Эйдена?

Райан.

Интересно, слышал ли он о смерти Грега? Известно ли ему о том, что его сводного брата арестовали по подозрению в убийстве отца? Если учесть, какую ненависть Райан питает к Эйдену, я даже думать боюсь, что он с ним сделает. Раньше между ними кипело юношеское соперничество, но теперь ситуация изменилась: умер человек, а Эйдена обвинили в убийстве.

Я не могу потерять Эйдена. Не тогда, когда он стал так много для меня значить. Не теперь, когда в Кинг-Сити у меня появились друзья — близкие люди, которые сделали меня частью своей жизни. Ни Райану, ни Тони, ни даже полиции я не позволю все это отнять.

# Глава 1

В полицейском участке кипит работа. Мужчины и женщины в форме заняты срочными делами и куда-то спешат. Другие офицеры стоят и разговаривают, как будто времени у них предостаточно. В воздухе витает странное сочетание запахов — что-то вроде грязи, смешанной с дезинфицирующим средством. Голова готова взорваться от нескончаемой телефонной трели. Мы проторчали в участке уже несколько часов, но нам до сих пор ничего не объяснили. Наше единственное взаимодействие с офицерами заключается в том, что они бросают на нас неодобрительные взгляды — и это потому, что мы заняли практически всю зону ожидания.

Ненавижу полицейские участки. Пусть за последний год я и побывала во многих из них, лучше от этого все равно не становится. Тревога никуда не исчезает, как, впрочем, и зияющая в груди яма ужаса. Полицейские участки инстинктивно напоминают о Тони, а каждый задержанный человек, которого проводят мимо нас в наручниках, рефлекторно вызывает дрожь. Единственная причина, по которой я сижу на месте и не уношу отсюда ноги, — Эйден.

Во время ареста Эйден успел попросить нас съездить за близнецами. На тот момент Джейсон и Джексон играли в гостях у друга. Мэйсон и Аннализа забрали ребят и отвезли к Джулиану, где о них позаботилась

его мама. Остальные отправились напрямиком в полицейский участок. Джулиан появился чуть позже вместе с Аннализой и Винсом, своим отцом. Винс высокий, как Джулиан, с широкими плечами и суровым лицом. Глядя на этого мужчину, от которого буквально веет силой, начинаешь невольно ему доверять. Джулиан, можно сказать, вырос вместе с Эйденом, поэтому вполне логично, что он обратился за помощью к человеку, который знает Эйдена с самого детства. К тому же в окружении Эйдена вряд ли нашелся бы другой взрослый, способный ему помочь.

Спустя некоторое время после прибытия Винса в полицейском участке появились Мэйсон и его отец, Брайан. Взрослые сразу направились к офицерам, чтобы поговорить об Эйдене, пока остальные, охваченные чувством тревоги, остались ждать в крошечном помещении.

У Брайана, как и у его сына, темные волосы и смуглая кожа, однако ростом он чуть ниже. Теперь я понимаю, от кого Мэйсон унаследовал свою привлекательность. И все же есть у этой пары заметное отличие: в темных глазах Брайана отсутствует та искорка озорства, которая нередко вспыхивает во взгляде Мэйсона. Хотя, опять же, сейчас не та ситуация, когда можно радоваться.

Пока Брайан и Винс общаются с полицейскими, я вглядываюсь в их лица. Впрочем, мне не требуется много времени, чтобы осознать серьезность ситуации: Брайан, сверкая золотым обручальным кольцом, запускает руку в темные волосы — жест, который нередко делает Мэйсон в минуты отчаяния. С того момента, как мы опустили на стулья, мое сердце готово выпрыгнуть из груди.

Через какое-то время офицеры приглашают Винса пройти вместе с ними. Брайан тем временем усаживается рядом с нами.

— Пап, что происходит? — нетерпеливо спрашивает Мэйсон.

— На данный момент Эйден под арестом. Ему еще не исполнилось восемнадцать лет, а это значит, что его нельзя допрашивать без попечителя и социального работника. Этими вопросами мы как раз и занимаемся, — объясняет Брайан, хватаясь за телефон и просматривая контакты.

— Подождите, они не имеют права допрашивать Эйдена без адвоката! Разве мы не должны его найти? — негодуяще восклицает Аннализа.

— Зачем ему адвокат? Он ничего не сделал! — встает Ноа на защиту друга. — У него семь свидетелей! Восемь, если считать парня, работающего за стойкой в пиццерии!

Брайан, игнорируя Ноа, поднимается на ноги.

— Я как раз звоню адвокату. Надеюсь, он поторопится. — Стремясь найти тихое место для телефонного разговора, Брайан уходит, оставляя нас в смятении.

Не проходит и получаса, как на пороге полицейского участка появляется мужчина в костюме с иголки. Без лишних промедлений Брайан поднимается с места, жмет ему руку. После краткой беседы с офицерами мужчину провожают к кабинету. Похоже, это и есть адвокат Эйдена.

Пока Шарлотта и Чейз тихонько шепчутся, сидя рядом друг с другом, Аннализа смотрит по сторонам, разглядывая полицейский участок и его обитателей. У нее такой вид, будто она поколотит каждого, кто бросит на нее неодобрительный взгляд. Джулиан общается с Мэйсоном и Брайаном, обсуждая вероятное развитие событий. Ноа ждет вместе со мной. Его нога быстро и непрерывно стучит по полу, сводя меня с ума.



После переезда в Кинг-Сити мне посчастливилось встретить удивительных людей — друзей, которые стали для меня настоящей семьей. Никогда в жизни у меня не было подобной компании. Эти ребята, вопреки опасностям и трудностям, всегда готовы помочь и поддержать. И вот тому пример: сегодня вечер пятницы, но мы, вместо того чтобы отдыхать и развлекаться, сидим в полицейском участке, переживая за Эйдена.

Пока я благодарю судьбу за прекрасных друзей, я вынуждена сидеть в неудобном кресле среди бежевых стен и ужасного освещения, не в силах сделать ничего, кроме как пытаться игнорировать нарастающую в сердце тревогу.

Спустя некоторое время волнение достигает предела, и я инстинктивно бью Ноа по бедру.

— Ноа! Прекрати!

— Амелия, милая, я знаю, что я неотразим, но сейчас не время и не место для шалостей.

С толикой раздражения я убираю руку с его ноги. В такой напряженный момент мне совсем не до шуток.

Хотя Ноа прекращает свои нервные танцы, легче от этого, увы, не становится. Что же так долго? Эйден ничего не сделал. Разве его не должны были уже отпустить?

Время как будто замедлилось, вызывая болезненные душевные спазмы. Раздается звонок: это строгие родители Шарлотты напомнили о себе. В ближайшее время за ней приедет старший брат. Родители Чейза переживают не меньше, поэтому он тоже принимает решение вернуться домой. Мы обещаем ребятам держать их в курсе событий.

Сколько часов мы здесь проторчали? Уже десять вечера. Почему суматоха не утихает? Телефон не перестает звонить — у меня уже голова идет кругом! Так

хочется повыдергивать шнуры и выкинуть их в окно вместе с телефонами. В прошлый раз я так долго сидела в полиции в тот день, когда меня в третий раз выследил Тони. Мне пришлось прямо из больницы ехать в полицию, чтобы дать показания, которые оказались бесполезны, поскольку он все еще на свободе и ищет меня. Больше всего на свете мне хочется унести отсюда ноги, убежать настолько далеко, насколько это возможно... Но я никогда не оставлю Эйдена.

Проходит, наверное, час или два, когда в холл возвращаются адвокат и Винс... но, к сожалению, без Эйдена. Брайан подходит к ним, чтобы узнать последние новости. Мы тем временем замираем, рассчитывая подслушать разговор. Какое-то время они беседуют с офицерами, после чего адвокат и Брайан уходят, оставляя нас в замешательстве.

Винс, измотанный, но чуть менее расстроенный, направляется в нашу сторону. Мы вскакиваем с мест, готовые засыпать его вопросами.

— Эйдена задержат на ночь, пока не проверят алиби, — сообщает Винс, прежде чем кто-то из нас успевает его расспросить.

— А разве *мы* не его алиби? — удивляется Джулиан.

Его отец приглашает нас отойти в сторону, желая уединиться от незнакомых людей.

— Тело Грега, сильно избитое, нашли прямо перед домом Эйдена. А еще на месте преступления обнаружили его телефон. Время смерти — приблизительно шесть часов вечера. С четырех тридцати Эйден находился у Мэйсона. Где-то без десяти семь они оба уехали за пиццей, откуда сразу же отправились к Амелии. Камеры перед домом Мэйсона могут все подтвердить. Брайан поехал домой, чтобы забрать записи и передать их полиции.

В полном ступоре мы переглядываемся.

Тело Грега обнаружили перед домом Эйдена? Вместе с телефоном Эйдена?

— Что? Причем тут телефон? Когда мы были у Амелии, телефон был при нем. Я точно его видел, — вклинивается Мэйсон.

— Да не этот. Старый телефон. Тот, который несколько недель назад он потерял на авто... школе... — Я смолкаю, боясь кого-то подставить.

— И каким же образом телефон Эйдена мог оказаться на месте преступления? — негодуяще спрашивает Аннализа, хотя никто из нас не знает ответ.

— Да плевать на телефон. Вы лучше объясните, как *тело отчима*, которого Эйден на дух не переносил, очутилось возле его крыльца? Похоже, его туда перенесли, — размышляет Джулиан.

Винс трет глаза. Видимо, ему никогда не приходило в голову, что в обязанности отца входит работа следователя.

— Эксперты определили, что убийство произошло на территории дома. Тело никто не перемещал.

— Упс, у нашего мальчика проблемы, — гримасничает Ноа.

— Эйден ни в чем не виноват! — выпаливает Аннализа.

— Боже, Аннализа! Я знаю! Я лишь говорю... — Ноа резко смолкает, но сразу же бормочет под нос: — И почему я всегда забываю, что Аннализа — та еще злока, когда не поспит?

— Ноа прав, — соглашается Винс. — Место преступления, телефон, синяки на теле Грега, свидетельствующие о недавней драке, говорят не в пользу Эйдена. К тому же прошлое этой парочки усугубляет ситуацию. Есть данные, что Эйден ходатайствовал против

условно-досрочного освобождения Грега. Можно предположить, что у него был мотив. Даже если у нас и есть алиби, мы должны доказать, что этого достаточно.

Что за нелепость?

— Эйден — один из самых умных и здравомыслящих людей среди моих знакомых. У него лучшие оценки не только в школе, но и во всем округе. Если бы он и собирался кого-то убить, вряд ли бы он оставил труп перед своим домом.

Все кивают с усталой улыбкой, безмолвно соглашаясь с моими словами. Нет, ну серьезно. Нужно быть последним идиотом, чтобы убить человека и оставить труп у себя во дворе. Пусть полежит, пока мы пиццу поедим и фильмы у друзей посмотрим.

Но если Эйден не убивал Грега, тогда кто это сделал? Почему с ним поквитались прямо перед домом Паркеров? Может, кто-то пытался подставить Эйдена? Но зачем? Вопросов, к сожалению, гораздо больше, чем ответов, и от этого мне не по себе. Боже праведный... Что, если им понадобится допросить *меня*? Такой вариант вполне возможен, ведь во время ареста Эйден находился у *меня* дома. А если они начнут копаться в моем прошлом? Что они узнают?

— Так, ребята, — объявляет Винс. — Полиция во всем разберется. Эйден здесь точно не задержится. Он просил передать, чтобы вы ехали по домам и ни о чем не беспокоились.

Эйден *буквально* в тюрьме. Вернее сказать — в полицейском участке (хотя, если учесть наличие решеток, я не вижу особой разницы). Как бы то ни было, Эйден попал в передрагу, но, несмотря на *собственные* проблемы, он в первую очередь думает о *друзьях*.

Этот парень с каждой секундой нравится мне все сильнее.

Винс легонько хлопает Джулиана по спине.

— Пойдем, сынок, пора отдохнуть. Скоро все образумится. Аннализа, ты сегодня у нас?

Та, кивнув, надевает куртку. Винс тем временем переводит взгляд на остальных.

— Ребята, вас подвезти?

— Да, меня, — отзывается Ноа, оторвав глаза от телефона. — Я, пожалуй, останусь у вас. У меня девятнадцать пропущенных звонков от мамы — я хочу остаться в живых!

Напряженная обстановка и усталость не препятствуют улыбкам.

— Тяжелый случай. Джуди в гневе и правда опасна. — Винс бросает взгляд на нас с Мэйсоном. — Вас, ребята, подбросить?

— Нет. Я на машине, — отвечаю я, опуская тот факт, что не собираюсь уезжать.

Как будто прочитав мои мысли, Мэйсон одаривает меня подозрительным взглядом.

— Я с Амелией поеду.

— Понял. Тогда хорошей дороги. И постарайтесь успокоиться. Я уверен, что все образуется.

Мы прощаемся, и, как только все уходят, я поворачиваюсь к Мэйсону.

— Ты ведь знаешь, что в ближайшее время я не планирую уезжать?

Мэйсон, закатив глаза, снова устраивается на неудобном стуле.

— Еще бы. Я уже предупредил отца, что поеду с тобой, как только все уладится.

Сев рядом с Мэйсоном, я устало откидываюсь на спинку кресла. Если не брать во внимание довольно трудное начало наших с Эйденом взаимоотношений, он всегда был рядом со мной. Он помогал мне всякий

раз, когда я в этом нуждалась. Он помогал, хотя я не просила. Он помогал, когда я выводила его из себя или даже проявляла враждебность. Примеров тому бесчисленное множество. Например, заметив мои переживания и ничего при этом не спросив, Эйден заставил Итана Мура удалить выложенное в интернет видео. Эйден помогал мне с математикой, чтобы улучшить оценки. А когда Кейтлин и Райан разбили мою машину, он привез меня к Шарлотте, чтобы я поспала, а сам тем временем разбирался с эвакуатором, механиком и ремонтом. Я уже молчу о том случае, когда он выиграл четыре тысячи долларов в гонках с Райаном и отдал их мне. А что самое удивительное — Эйден практически в одиночку растит двух братьев-близнецов! Этот парень — хороший человек с доброй душой. Именно по этой причине мысль о том, чтобы оставить его в этой дыре, кажется невыносимой. Да, он велел нам возвращаться домой и больше не беспокоиться. Но как я могу уехать, зная, что он здесь? Уеду — значит, брошу его (что вдвойне неприятно, если учесть, что он узнал всю правду и даже не испугался).

Эйдено известно, что меня зовут не Амелия: он нашел коробку из-под обуви, где хранятся воспоминания о моем прошлом. Он узнал, что я — лживый кусок дерьма. Эйден открылся мне, хотя ему было трудно, а я в ответ его предала. Я лгала ему, в то время как он был со мной абсолютно честен. Моя ложь причинила ему боль. Одно воспоминание о его лице, о том выражении полного недоумения и неверия, до сих пор разбивает мне сердце.

Но он понял. Он не сердится на меня и даже поцеловал. Он сказал, что будет рядом со мной, поэтому до тех пор, пока его не выпустят, я тоже никуда не уйду.

— Как думаешь, о чем он сейчас думает? — спрашиваю я Мэйсона, пытаюсь отвлечься.

— О братьях, наверное, — предполагает он.

— Эйден души не чает в этих мальчишках.

— Как думаешь, Райану уже сказали?

— Понятия не имею. Но я уверена, что Райан возненавидит Эйдена еще сильнее.

— Слушай, а тебе не кажется... — Мэйсон делает паузу, как будто не решаясь озвучить собственную мысль. — Тебе не кажется, что Райан каким-то образом причастен к этой истории?

Мы с Мэйсоном переглядываемся, обдумывая предположение, но тотчас качаем головами, не желая допустить подобную идею.

— Нет, это невозможно, — возражаю я. — Зачем Райану убивать собственного отца во дворе Эйдена? Не думаю, что он настолько слетел с катушек.

— Ты права. Этот парень чокнутый, но не убийца. Вряд ли он стал бы убивать отца, чтобы отомстить или подставить Эйдена. Он, конечно, псих, но не настолько же...

Устроившись в кресле, я кладу голову на плечо Мэйсона, вдыхая знакомый, утешительный аромат парфюма. Я рада, что он решил подождать вместе со мной. Всему, что произошло, должно быть объяснение. И никто из нас не остановится, пока не узнает правду.

## Глава 2

Надежды разгораются с новой силой, как только в холл возвращаются Брайан, офицеры и адвокат. Облегчение, впрочем, длится недолго: Брайан почти сразу исчезает, едва бросив на нас с Мэйсоном взгляд.

Кажется, проходит целая вечность, прежде чем Брайан — на этот раз один — выходит из кабинета и садится рядом со мной и Мэйсоном. В участке мы провели несколько часов — стрелки уже перевалили за полночь. Я без сил, да и обстановка не помогает: всякий раз, ловя на себе взгляд проходящего мимо офицера, я начинаю паниковать. Голова раскалывается от пронзительного телефонного звона, а задница онемела. Будь моя воля, я бы запретила продавать эти неудобные стулья во всех магазинах Америки. Это не сиденья, а какая-то пытка.

— Что происходит? — без лишних промедлений спрашивает Мэйсон. — Где Эйден?

Брайан меняется в лице.

— Все сложнее, чем мы думали.

Мы с Мэйсоном переглядываемся. *Сложнее?*

— Полиция связалась с его опекуном, — продолжает Брайан. — Им оказалась жена Грега, Пола. Так вот... Она заявила, что давным-давно не видела Эйдена и не хочет иметь с ним ничего общего. А потом добавила, что он крал у нее деньги, принимал наркотики и убежал из дома вместе с братьями...



*Вот лгунья.* Не сомневаюсь, что Пола против общения с Эйденом. Зато она всегда «за» государственные выплаты, которые получает на содержание несовершеннолетнего.

— После ее слов офицер задал очевидный вопрос о местоположении Джейсона и Джексона, на который Эйден отказался отвечать.

Еще бы. Отвечать и рисковать тем, что их заберут в приемную семью? Я его не виню. Каждая прожитая минута неумолимо ведет к тому, что полиция все-таки позвонит в социальные службы — если они *уже* этого не сделали.

— В итоге Алану пришлось разбираться не только с обвинением в убийстве, но и с обвинением в похищении...

Должно быть, на наших лицах застыл ужас, потому что Брайан добавляет:

— Эй, не волнуйтесь! Все улажено. С Эйдена сняли обвинение в убийстве.

С момента появления Брайана я впервые начинаю дышать. Лежащий на груди груз внезапно исчезает, высвобождая сердце из оков. Эйден не сядет в тюрьму за убийство Грега!

Брайан не ждет, пока мы завалим его вопросами.

— Алиби подтвердилось, — сообщает он. — Эйден сейчас с Аланом, подписывает бумаги об освобождении.

— А что с похищением? — продолжаю я.

— Алан вынудил Полу отказаться от законной опеки. Она оплошала в ту секунду, когда заявила о похищении близнецов. Если Эйден похитил детей, почему тогда она не заявила в полицию? Получается, она подвергла их еще большей опасности. Короче, вот к чему я веду: я принял решение стать законным опекуном

Паркеров. Через несколько недель Эйдену исполнится восемнадцать лет, и он сможет переоформить опеку на себя. А до тех пор нас будет контролировать социальная служба.

— Боже, папа! — Мэйсон бросается к отцу, заключает его в объятия. — Ты самый лучший!

Брайан похлопывает Мэйсона по спине.

— Какое же страшное бремя ответственности свалилось на плечи Эйдена. — Брайан отстраняется от сына. — Знали бы мы с Винсом о ситуации с опекой, мы бы раньше вмешались.

Отцы Мэйсона и Джулиана — удивительные люди. Интересно, а как бы поступил мой папа, будь он жив? Я стараюсь утешиться мыслью, что до того, как начались ссоры с мамой и проблемы с алкоголем, он бы наверняка поступил точно так же.

— Сколько времени займет оформление? Скоро его отпустят?

Брайану не приходится отвечать, потому что Мэйсон, глядя в коридор с широкой улыбкой, внезапно вскакивает со стула.

Не успев опомниться, я тоже подпрыгиваю. Впереди я вижу офицера, сопровождающего высокого, уверенного, широкоплечего Эйдена. Следом за ними вышагивает Алан. Пусть Эйден большую часть ночи и провел в полиции, выглядит он по-прежнему неотразимо. У меня буквально замирает дыхание, когда его пронзительные серые глаза встречаются с моими ореховыми. Выражение его лица не выдает усталости. Когда я смотрю на Эйдена, мне кажется, будто мы не виделись целую вечность, хотя наш поцелуй и состоялся всего несколько часов назад.

Группа останавливается у регистрационного окошка, где офицер что-то говорит Эйдену — который даже

не думает прервать со мной зрительный контакт, — а затем показывает жестом, что тот может идти.

Все, что успеваешь сделать Эйден, — это шагнуть в нашу сторону и потереть прежде скованные наручниками запястья. Он даже не успеваешь опомниться, как я бросаюсь ему на шею. Что-то внутри меня отчаянно требует, чтобы я обняла его, убедилась, что он рядом и в безопасности. Эйден, не раздумывая, обвивает меня сильными руками и притягивает ближе к себе. Прижавшись головой к его мускулистой груди, слушая успокаивающий звук ровного сердцебиения, я наконец-то осознаю, что он здесь, со мной.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Эйден, выпустив меня из объятий, аккуратно заправляет прядь моих волос за ухо.

— Да, все хорошо. Почему вы здесь? Я же просил вас ехать домой и не переживать за меня.

Ребята по-братски обнимаются.

— Думаешь, мы бы оставили тебя в этой дыре? — усмехается Мэйсон. — Остальные тоже ждали, но им пришлось уехать во избежание родительского гнева.

— Не стоило вообще сюда приезжать. Только зря волновались.

Похоже, Эйден чувствует себя не в своей тарелке. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, поскольку чаще всего функцию героя выполняет *он*. Эйден всем помогает, следит за всеобщим благополучием, беспокоится о каждом. Он сильный, держит все под контролем. Я уверена, что Эйден не привык к тому, чтобы кто-то за него волновался.

— Ты нам не безразличен, Эйден. Мы не могли тебя бросить. — Мои щеки пылают от его взгляда.

— И больше никаких наручников, пожалуйста, — добавляет Брайан, сопровождая слова объятиями, — крепкими, отцовскими, утешительными.

— Спасибо за помощь, Брайан. И вам, Алан. — Эйден пожимает руку адвокату.

Алан заверяет, что все в порядке, и просит Эйдена обращаться к нему в случае неприятностей.

— Пойдем, дружище. — Мэйсон легонько хлопает Эйдена по спине, пока его отец общается с Аланом. — Пора убираться отсюда.

С согласия Эйдена мы наконец-то покидаем место, которое чуть не перевернуло с ног на голову несколько жизней. Направляясь к выходу, я замечаю в глазах Мэйсона искорку любопытства — ту же, что разгорелась и во мне. Мы оба хотим расспросить Эйдена, но страх мешает заговорить. Несмотря на усталость, Эйден замечает нашу внутреннюю борьбу: он точно знает, о чем мы оба думаем.

— У меня нет сил, чтобы отвечать на вопросы. Давайте поговорим завтра?

Эйден прав. Его допрашивали несколько часов подряд, нам не нужно подвергать его новому стрессу.

— Эй, Эйден, тебя подвезти? — предлагает Брайан. — Твой дом, как-никак, — место преступления.

Мэйсон уже собирается предложить Эйдену поехать к нему, но прежде, чем он успевает что-то сказать, вклиниваюсь я:

— Можешь переночевать у меня, в комнате для гостей.

Мне необходимо поговорить с Эйденем и во всем разобраться. *Наедине*. Всего несколько часов назад ему стало известно, что меня зовут Тея, а не Амелия, и что я скрываюсь от человека, который пытается меня убить. Мы даже поговорить толком не успели: он лишь сказал мне, что понимает меня, не злится и всегда будет рядом. Пусть он и пытался меня утешить, но из головы никак не выходит его разочарованный взгляд. Я видела, что

Эйден чувствовал себя преданным. Да, он заверил меня, что между нами все хорошо, но будет справедливо, если я расскажу ему свою историю — *всю* историю. Он заслуживает знать правду.

— К тому же, — продолжаю я, пока никто не успел возразить, — твоя машина припаркована возле моего дома.

— У тебя точно не будет проблем? — тревожится Брайан. — Если что, Эйден может остаться у нас.

— Все нормально. Сколько сейчас? Час ночи? Мама только что вернулась и к нашему приезду будет уже спать. У нее ранний утренний рейс. Времени на возвращения у нее точно не будет.

Я предпочитаю не добавлять, что отправила маме эсэмэс, сообщив, что мы всей компанией отправились в кино на моей машине, и единственным ее ответом было «ОК».

Либо Эйден настолько устал, что ему действительно все равно, где спать, либо он горит желанием получить ответы, потому что проходит всего несколько мгновений, прежде чем он соглашается поехать ко мне.

Пока Эйдена не арестовали, я избегала его точно так же, как получивший плохую оценку ребенок избегает строгих, придерживающихся высоких стандартов родителей. А теперь я практически умоляю его пойти ко мне домой, чтобы пообщаться наедине. Забавно, как все меняется всего за несколько часов.

Попрощавшись с Мэйсоном, Брайаном и Аланом, мы расходимся в разные стороны тихой парковки, представляющей собой разительный контраст с шумным безумием полицейского участка. Ночь стоит спокойная, прохладная. Теперь, когда я осталась наедине с Эйденем и украдкой поглядываю на его крепкий стан, сердце в груди невольно сжимается. Неужели так будет

всегда? Всегда ли будут в животе порхать бабочки при взгляде на этого парня? Сможет ли сердце биться в ровном, спокойном ритме?

Прежде чем я успеваю открыть дверь со стороны водителя, Эйден оказывается позади меня. В мгновение ока мы уже стоим лицом к лицу, и он смотрит на меня сверху вниз. Его глаза излучают спокойствие, в воздухе витает напряжение.

Голос у него глубокий и ровный:

— Нас прервали.

Близость Эйдена мешает мне думать.

— Прервали?

— Да, так и есть. — Руками он притягивает мои бедра. — Я освежу твою память, если ты забыла.

Эйден наклоняется, целует меня страстно — так, как будто мы лет сто не виделись, и все, что ему нужно, чтобы почувствовать себя цельным, — это слияние наших губ. Я обхватываю его шею, притягиваю голову ближе. Тревога и напряжение, о которых я даже не подозревала, исчезают вместе с прикосновением тел. Эйден здесь, со мной. Он не питает ко мне ненависти, и я абсолютно точно его не потеряла. Поцелуй заканчивается слишком быстро, но, даже несмотря на это, у меня по-прежнему перехватывает дыхание.

«Я буду рядом, Тея Кеннеди», — звучат в голове слова Эйдена, вызывая дрожь. Его хватка крепнет.

— Поехали отсюда, — говорит он, направляясь к пассажирской двери. Теплые руки отпускают мою талию.

Едва я успеваю выехать с парковки, как Эйден набирает номер Джулиана, чтобы узнать у него, как и когда забрать близнецов. Джулиан говорит ему, что мальчишки всю ночь задавали вопросы об Эйдене и играли в видеоигры и только сейчас уснули.

— Ладно, пусть спят. — Эйден потирает виски. — Заберу их утром и все объясню. Еще раз спасибо, Джулиан. — Он берет паузу, слушая. — Да, я в порядке. Увидимся завтра.

По пути к дому мы не разговариваем. В качестве фонового шума выступает лишь тихий гул радио. Ночная дорога приветствует нас тусклыми фонарями. Эйден удобно устроился в кресле, положив голову на подголовник, закрыв глаза и расслабив тело.

Маленькая машина буквально наполнилась его присутствием. Хотя Эйден сидит рядом, неуклюже затолкнув длинные ноги под приборную панель, он не спрашивает меня ни о Тони, ни о трех его жертвах. Я же едва сдерживаюсь, чтобы не расспросить Эйдена о его чувствах. Постукивая пальцами по рулю, я стараюсь смотреть на дорогу и не переводить на него взгляд. Я слишком нервничаю, чтобы задавать вопросы, даже невзирая на то, что он только что меня поцеловал.

— Тея, — обращается Эйден, нарушая тишину. Его голова по-прежнему расслаблена и лежит на подголовнике.

Глубокое звучание моего имени заставляет сердце замереть.

— Да?

— Прекрати барабанить. Это сводит меня с ума, — протягивает он, не открывая глаза.

Я немедленно прекращаю.

— Прости, я просто...

— Нервничаешь? — Эйден поднимает голову. — Я знаю. У нас даже времени не было все обсудить. Послушай, я никогда и никому ничего не расскажу, тебе даже просить не нужно. Если честно, твой приезд в полицейский участок заставил меня понервничать. — Эйден, на этот раз выпрямившись, запускает руки

в короткие, всклокоченные темно-русые волосы. — Судя по фотографиям в газетах, общение с полицией для тебя — задача не из простых.

Сколько у него было времени на изучение статей, спрятанных в коробке из-под обуви? Либо Эйден действительно хорош в головоломках, либо у него очень развитое чутье, потому что он правильно догадался о моей неприязни к полицейским участкам.

— Ты прав. Полиция вызывает тяжелые воспоминания. Запахи, телефонный звон, боже, даже эти дурацкие стулья — все одинаковое. Я столько раз попадала в беду, Эйден... Но в тот момент, когда тебя арестовали, я не могла думать ни о чем другом — только о тебе. — Я усмехаюсь своим же словам.

— Почему ты смеешься? — удивляется Эйден.

— Ты провел несколько часов в полицейском участке, где тебя допрашивали как подозреваемого в *убийстве*. Тебя арестовали, и ты потенциально попал в *тюрьму*. Твой отчим *мертв*, а дом превратился в место *преступления*. И ты переживаешь за *меня*?

— Ну, вообще-то я знал, что я не причастен к убийству и мое алиби подтвердится. Если скрывать нечего, зачем тогда волноваться? А поскольку мне ничего не оставалось делать, кроме как ждать, в голове блуждали разные мысли. И, честно признаюсь, я даже немного разозлился. Я открылся тебе, доверился, рассказал все, что я никогда и никому не рассказывал. Я был опустошен при мысли о том, что тебе на меня плевать.

— Прости меня, — выпаливаю я в порыве отчаяния. Мои слова сопровождает слеза. — Я хранила тайну, потому что у меня не было выбора. Я столько раз хотела признаться... Но не смогла.

— Я злюсь не на *тебя*, — подчеркивает Эйден. — Я злюсь на *ситуацию*. И чем больше я об этом думаю,



тем сильнее раздражаюсь. Ты не должна в одиночку проходить через это. Что я могу сделать? Чем могу помочь? Ведь должно быть что-то, что мы можем сделать? Пожалуйста, скажи мне.

Мне хочется одновременно смеяться и плакать.

— Ты не можешь помочь.

— Я *могу* помочь. Я же Эйден Паркер, забыла?

— Не в этот раз, Эйден.

Я смотрю прямо перед собой, потому что, если я переведу взгляд на Эйдена, мое сердце разобьется вдребезги. Ему не под силу изменить то, что произошло, как и то, через что я прошла. Все пригородные дома в моей памяти сливаются друг с другом в один обычный, ничем не приметный дом; каждый город, где я побывала за последний год, похож на другие. До сих пор ни в одном из них я не чувствовала себя дома. В Кинг-Сити все иначе лишь потому, что у меня есть Эйден и друзья.

Мы почти подъехали к дому. Пора бы уже выйти наружу и глотнуть свежего воздуха, пока я не разрыдалась.

— Могу, — настаивает Эйден. — Если бы ты только сказала...

— *Ты не можешь помочь!* — отрезаю я, тут же пожалев о своем тоне. — Прости, Эйден, но есть вещи, которые даже *ты* не можешь исправить.

— Ты сначала расскажи, а дальше разберемся, — шепчет он, касаясь моей руки большой ладонью.

Подъехав к дому, я глушу машину. Я поворачиваюсь к Эйдену, вижу его лицо, по-прежнему залитое светом верхних лампочек, которые еще предстоит погасить.

— Уже поздно. Ты устал. Давай отдохнем, а завтра я тебе все расскажу.

— Справедливое предложение. — Эйден кивает.

Я тихонько отпираю входную дверь, и мы без лишнего шума поднимаемся по лестнице. Я не планировала

приводить Эйдена тайком, но лучше не будить маму. Я уверена, что она и без того насторожится, увидев утром машину Эйдена на подъездной дорожке. Но что она сделает? Перевезет меня в другой штат? Хотя подождите, она ведь уже это делает.

Эйден располагается в гостевой спальне, к которой примыкает ванная комната, а я тем временем отправляюсь на поиски сменной одежды. Вернувшись к двери, я вежливо стучу. Эйден молниеносно открывает.

— Я принесла тебе новую зубную щетку и паст... — Я замолкаю, таращась на Эйдена, который стоит в дверях *в одних трусах*.

*Нет, это не сон. Эйден Паркер в моем доме... ночью... в одних боксерах.*

Господи, пожалуйста, скажи мне, что у меня не течет слюна...

Резко подняв голову, я неловко протягиваю руку с зубной щеткой и пастой.

*Боже, Амелия, неприлично же вот так глазеть!*

— Благодарю, — весело произносит Эйден.

Черт возьми, он знает, какой он сексуальный, и наслаждается, мучая меня.

— Я не нашла, во что тебе переодеться... Если, конечно, ты не думаешь втиснуться в мою пижаму.

— Все нормально. Я посплю в боксерах.

— Но у меня есть твой свитер. Я забыла вернуть его после того вечера, когда нас заперли в школе, — смущенно признаюсь я.

Я ношу его дома в основном потому, что он большой, удобный и теплый. Но еще и потому, что он напоминает мне об Эйдене. И нет, я не маньяк.

Эйден смотрит на свитер в моей руке, но забирать его, похоже, не собирается.

— Оставь себе. Мне все равно жарко. Я горячий парень.

Да, черт возьми... Еще какой *горячий*.

— Точно?

Я не стану сопротивляться, потому что свитер и правда очень удобный.

— Точно. Спокойной ночи, Аме... Тея.

У меня перехватывает дыхание.

— Доброй ночи, Эйден.

## Глава 3

Утром, сидя на кухне, я не завтракаю, а только разглядываю миску, выуживаю ложкой хлопья и без энтузиазма опускаю их обратно в молоко. Мои мысли заняты не едой, а тем, как рассказать Эйдену о своем прошлом. Что, если он посчитает меня трусихой, которая бежит прочь от трудностей и позволяет другим людям страдать? Что, если груз моего прошлого напугает его и он не захочет иметь со мной ничего общего? Я ума не приложу, как признаться Эйдену в том, что моя мать вынуждает меня уехать из Кинг-Сити. Как рассказать, что он, скорее всего, больше никогда меня не увидит и не услышит? У меня появится новое имя, а Амелия Коллинз перестанет существовать, как Хейли Джонсон и Изабелла Смит до нее. Исчезнув, Амелия — я — никого и ничто не сможет взять с собой. Но и остаться тоже не сможет. Судебное дело и все, что связано с отчимом Эйдена, очень скоро попадет в новости, отчего мама начнет только сильнее переживать относительно нашего пребывания в городе. И я говорю это не со своих слов, а с тех, что мама сказала мне утром перед уходом на работу.

Услышав звук шагов, я поднимаю глаза и вижу Эйдена — полностью одетого, к моему сожалению.

— Привет.

— Доброе утро. — Я подталкиваю коробку с разноцветными фруктовыми колечками к его тарелке.

Эйден улыбается, вспоминая нашу старую шутку о хлопьях, однако, вместо того чтобы сделать себе завтрак, он направляется прямым ко мне и садится рядом. Эйден расположился в непосредственной близости, и тем не менее мне кажется, что он слишком далеко.

— Как дела? — спрашиваю я, стараясь не нервничать и не ерзать на стуле, и притворяюсь, будто мне есть дело до разбухших в тарелке колечек.

— Лучше. Отдых однозначно пошел мне на пользу, — признает Эйден. — Я звонил близнецам. Они спрашивали, почему в эту пятницу им пришлось остаться у Джулиана, а не у друзей.

Спустя пару мгновений до меня наконец-то доходит: по пятницам Эйден ездит на автодром, потому что гонки являются основным источником его дохода. Видимо, во время его отсутствия близнецы играют у друзей... Бесплатная няня, можно сказать.

— И что ты ответил?

— Соврал. Сказал, что мне пришлось срочно уехать из города, а родители Джулиана согласились за ними присмотреть. Впрочем, они и не возражали. Они сказали, что мама Джулиана готовит вафли на завтрак и мне лучше поскорее приехать, чтобы не остаться с носом. Знаешь, я так рад, что их не было дома, когда появился Грег... и его убийца.

Плечи Эйдена напрягаются, челюсть подергивается — так происходит всякий раз, когда он упоминает о чем-то, что представляет угрозу близнецам. Как же это тяжело — жить в страхе, что с самыми дорогими на свете людьми может случиться нечто ужасное. Эйден практически заменил им отца. Угроза их благополучию — самый большой его страх.

— С ними все будет в порядке, Эйден, — шепчу я, не зная, как его утешить. — Они в безопасности.

— Знаешь, в голове крутится тысяча вопросов. Зачем Грег пришел к нашему дому? Что ему было нужно? Как у него оказался мой телефон? Кто его убил? — Эйден запускает руки в волосы.

Я сдерживаю порыв протянуть руку и снять напряжение с его лица.

— Я уверена, что полиция во всем разберется. Не совсем правильно так говорить, но, по крайней мере, тебе больше не придется беспокоиться о Грее.

— Это точно.

Беседу прерывает громкая вибрация моего телефона. Схватив его со столешницы, я проверяю экран.

— Ты не заходил в групповой чат? Он буквально ломится от сообщений...

Друзья хотят узнать, все ли в порядке с Эйденем, что он думает по поводу смерти ненавистного отчима и сняли ли с него обвинения.

— Давай я заберу близнецов, а потом мы соберемся и все обсудим? — предлагает он. — Сомневаюсь, что ребята меня поймут, если я отпишусь в чате одной фразой. Ставлю десять баксов, что Аннализа меня прибьет.

Я рада, что Эйден воспринимает ситуацию с юмором.

— Что мне ответить? — Я тыкаю пальцами в клавиатуру телефона. — Можно встретиться у меня, если хочешь.

— Пусть приходят к семи часам, с едой. — Вздыхая, Эйден потирает затылок. — Я съезжу к близнецам. Придется им объяснить, почему нам нельзя возвращаться домой, и спросить у родителей Тайлера, можно ли ребятам остаться у них на какое-то время. Думаю, там им будет веселее.

Разговор с Джейсоном и Джексоном будет не из легких. Хотя нам с Эйденом тоже предстоит не самый простой диалог. И начать его нужно как можно скорее.

— Нам нужно серьезно поговорить, — осмеливаюсь я, не глядя на Эйдена.

— Ты мне ничего не должна, Тея.

Должна.

Меня замучило невыносимое чувство вины. Я уезжаю из Кинг-Сити, уезжаю от Эйдена. А раз я исчезну, то я обязана рассказать ему правду. Эйден всегда был со мной честен. Он открылся мне, хотя никогда и никому не открывался. Я хочу, чтобы он знал меня, знал меня *настоящую*.

— Дело не в долге, — возражаю я. — Дело в том, что мне *пора* все тебе рассказать.

Я отворачиваюсь, надеясь, что мое лицо не станет пунцовым от его пристального, непоколебимого взгляда.

— Договорились. Мы поговорим вечером, до того, как приедут остальные, — обещает Эйден.

\* \* \*

Остаток дня медленно тянется, хотя я и стараюсь чем-то себя занять и не забивать голову мыслями. Мама присылает очередное сообщение, отчитывая меня за то, что я позволила Эйденоу остаться на ночь. Но что она сделает из Канады? Мне плевать, что я ее разозлю, потому что своим заявлением о переезде она разрушила видимость нормальной жизни, которая у меня появилась в Кинг-Сити. Когда в последний раз у меня был парень? Когда в последний раз у меня были близкие взаимоотношения? Хантер — единственный, с кем у меня получилось хотя бы немного сблизиться. Это было несколько месяцев назад, когда я была Хейли. Но даже с ним мы не успели зайти дальше нескольких свиданий.

Он никогда не вызывал в моем животе бабочек размером с мамонта, как это делает Эйден. Он никогда не заставлял меня чувствовать себя в безопасности. По сравнению с Эйденем Хантер был просто пятном на радаре, в то время как Эйден занимает все мое внимание.

К тому времени, когда Эйден присылает сообщение о том, что он уже в пути, я дважды пропылесосила и вымыла весь дом.

— Привет, — здороваюсь я, как только он переступает порог. — А где близнецы?

— Они остались поиграть с Буббой. Нам пока не разрешили вернуться домой, поэтому сегодня мы переночуем у Джулиана, а завтра переедем к Мэйсону. У родителей Тайлера сегодня какое-то мероприятие, ну а няня-подросток вряд ли справится с тремя детьми. — Эйден, усмехаясь, снимает обувь и следует за мной в кухню. — Так что они остались у Джулиана играть с его собакой. Пусть посмотрят, как это — ухаживать за питомцем. В последнее время они без конца просят меня завести собаку.

Я смеюсь, представляя, как Джейсон и Джексон возьмется с пятидесятикилограммовым бульдогом Джулиана.

— Вы переезжаете к Мэйсону? — Я протягиваю Эйдену стакан воды.

— Брайан — наш законный опекун. Социальные работники в любом случае будут нас навещать. А раз уж наш дом по-прежнему считается местом преступления, мы решили, что будет лучше пожить у них, пока все окончательно не разрешится.

Я киваю, прикусывая губу. Ни темные круги под глазами, ни напряженная спина и челюсть не лишают Эйдена привлекательности. Как бы я хотела, чтобы все это случилось не с ним; чтобы ему выпала лучшая доля.



— Ты рассказал им о Грее?

— Да. Было непросто, — признает Эйден после тяжелого вздоха. — Я усадил их и рассказал, что во дворе нашего дома с Грегом случилось несчастье. Они делали то, что обычно делают близнецы: закрыли глаза и молча общались друг с другом. Я объяснил им, что вернусь домой и заберу некоторые вещи. Но вот когда я добавил, что какое-то время нам придется пожить у Мэйсона, они слегка напугались. — У Эйдена вырывается грустный, лишенный юмора смешок.

Я качаю головой. Последнее, что нужно мальчикам, — это переживать за Эйдена. Он — единственный в их жизни постоянный человек. Мне остается лишь представлять, как это страшно — увидеть свой дом, огороженный полицейской лентой. Даже я никогда с подобным не сталкивалась.

— Я решил не вдаваться в подробности, — продолжает Эйден. — Им всего девять лет. Не хочу, чтобы они думали об убийстве, произошедшем на крыльце их дома. Им не нужна очередная травма. Достаточно того, что они потеряли маму. Мальчики знают, что Грег мертв, а большего им знать и не нужно.

Все, что на данный момент я могу сделать, — положить руку на плечо Эйдена и выразить моральную поддержку.

Ноющая боль в сердце и комок в горле мешают мне говорить.

— Я обещал им, что никуда не уйду и что нас ничто и никто не разлучит. — Эйден впервые переводит взгляд на меня.

— Они боятся тебя потерять.

— Да. Надеюсь, что скоро все образуется. Мы посидели, пообщались, я ответил на их вопросы. Они хорошо справляются. Перед моим уходом они выглядели

как обычно. Жаль только, что эта история испортила им зимние каникулы.

— Думаю, мы найдем способ их развлечь, — заверила я, мысленно перебирая список дел, которые можно сделать до того, как в январе начнется школа, забыв на мгновение, что меня в Кинг-Сити уже не будет.

Эйден качает головой, как будто желая выбросить из головы все тревожные мысли.

— Если ты все еще хочешь поговорить, сейчас самое время. Ребята скоро подтянутся.

На мгновение у меня замирает дыхание.

— Ты прав. — Я, наконец, выдыхаю.

Мы стоим лицом друг к другу, только на этот раз между нами возникает чувство неловкости, даже отстраненности. Все мои секреты связаны с попытками выжить — эти истории, вероятно, стоило бы оставить для психотерапевта. Но одновременно с тем мне не терпится открыться Эйдену. И это желание лишь подтверждает, *насколько* я ему доверяю.

— Может, присядем на диван? Мой рассказ не из коротких.

В прошлый раз наши посиделки на диване закончились лучшим поцелуем в моей жизни. Мы садимся, я поворачиваюсь к Эйдену, скрестив ноги. На его лице застывает нейтральное выражение, поэтому мне трудно понять, о чем он сейчас думает. Вероятно, о чем-то вроде этого: «Давай уже, Тея! Хватит драматизировать!»

— Помнишь, я рассказывала о своем отце и его гибели? Как он однажды приехал за мной пьяный и в итоге убил себя и шестилетнюю Сабрину?

Даже если Эйдена и удивляет начало повествования, он ничем себя не выдает. Внезапно я осознаю, *как много места* он занимает на диване. Я вижу его тело,

обращенное в мою сторону, и пристальное внимание, которое он мне выказывает.

Не обращая внимания на ком в горле, я продолжаю:

— Ты уже знаешь, что Тони, отец Сабрины, ненавидит меня и винит в этой трагедии. Но я не говорила тебе, до какой степени. Я не говорила, что его горе переросло в гнев, а потом — в месть. Цель его жизни — выследить меня и *уничтожить*.

В то время как я пытаюсь подавить волну воспоминаний, меня успокаивает глубокий вдох. Внимание переключается на стену позади Эйдена, потому что если я буду смотреть ему в глаза, я вряд ли смогу продолжать.

— Авария произошла в ноябре, когда я училась в десятом классе. То время превратилось для меня в сущий ад. Мы жили в Мейфорде, моем родном городе. Я оплакивала потерю отца, которого, несмотря ни на что, любила и которого мне не хватало. В голове безостановочно крутилась одна и та же мысль: «Что можно было сделать, чтобы предотвратить его смерть и смерть Сабрины?» Снова и снова я мысленно проигрывала несчастный случай, терзая себя размышлениями. Я была поглощена чувством вины, эмоционально подавлена. Я уже молчу о переломе руки и других физических травмах, полученных в результате аварии. Я не хотела никого видеть и думала только об отце и о маленькой девочке. Я даже пробралась в церковь во время ее похорон, чтобы помучить себя еще немного.

Сильная, но нежная рука Эйдена касается моего лица, выдергивая меня из мыслей.

— Тея, — обращается Эйден, разворачивая меня так, чтобы наши глаза встретились. — Ты не виновата. Я уже говорил тебе...

— Эйден, перестань. — Я вырываюсь из его объятий. — Пожалуйста. Просто позволь мне рассказать. Не перебивай, ладно?

После недолгого замешательства Эйден неохотно кивает. Удовлетворенная его ответом, я возвращаюсь к воспоминаниям.

— В течение нескольких недель после аварии я все время стремилась уйти из дома. Мне хотелось побыть одной, поэтому я бежала прочь и никому ничего не сообщала. Так я пыталась очистить голову, оплакать отца. Вечером, днем, под снегом, солнцем или дождем я бродила по улице, не обращая внимания на окружающий мир и надеясь разобраться со своими мыслями.

Воспоминания перемещаются в прошлое, и глаза в одночасье затуманиваются от слез. Сердце бьется быстрее, как будто я снова переживаю тот страшный опыт.

— Все началось чуть больше года назад, когда после ужина я решила прогуляться. Меня не смутили ни холод, ни темнота. Я шла, погруженная в мысли, и даже не замечала машину, которая преследовала меня с того момента, как я вышла из дома. Автомобиль остановился рядом со мной, дверь открылась. Но я не придавала этому значения. Я слышала за спиной тяжелые шаги, хрустящие по снегу, но обернулась только тогда, когда услышала свое имя. И вот в ту секунду я вдруг осознала, что избавиться от прошлого у меня не получится никогда.

Внезапно у меня перехватывает дыхание, и когда мне уже кажется, что я вот-вот потеряю сознание, Эйден крепко сжимает мою ногу чуть выше колена, и ему не нужно говорить вслух, чтобы я поняла его слова. Он здесь, со мной. Я в безопасности. Безмолвно заимствуя его силу, я выдавливаю из себя слова:

— У него был пистолет. Этот человек целился мне в голову. Я так испугалась, что сначала даже не узнала

его. Он держал оружие с безжалостной решимостью. Глаза были темными, пустыми, как открытая могила. Тони Дерандо, отец Сабрины. Он объявил мне, что я убила его дочь. Я сказала ему, что он ошибается, после чего выразила сожаление по поводу смерти Сабрины. Но как только я закрыла рот, он вдруг переменялся в лице.

Я не свожу глаз со стены позади Эйдена.

Я даже не могу объяснить, что в тот момент я увидела. Тони показался мне пустой оболочкой без единой надежды, без желания жить дальше. Его не волновало будущее, не волновало ничего, кроме той конкретной секунды. Он видел лишь возможность избавиться от гнева, облегчить боль от потери самого важного и единственного человека в жизни. Ощувив пыл его ярости, я поняла страшное: этот мужчина испытывал потребность в мести. Он хотел причинить мне боль и страдания.

Внимание рассеивается. Воспоминания нахлынули с такой силой, как будто только что открылся шлюз и разъяренная вода устремилась с огромной скоростью, чуть не захлестнув меня с головой. Делясь историей с Эйденем, я словно заново переживаю момент, когда моя жизнь изменилась раз и навсегда.

— Тони намеревался выстрелить. И я не знала, что делать дальше: пытаться бежать, уговаривать его или просто принять свою судьбу. В итоге он все решил за меня: замахнувшись, он ударил меня по голове рукоятью пистолета. И это последнее, что я помню.

## Глава 4

Первое, что я помню дальше, — боль. Эту ноющую пульсацию в голове, на которую сложно не обращать внимания. Лежа на полу, я чувствовала себя разбитой, будто меня швыряли из стороны в сторону. Пребывая в полуобморочном состоянии, я села, приложила к голове руки. Мне требовалось все самообладание, чтобы держаться в сознании.

Обуви на ногах не было, хотя я могла поклясться, что вышла из дома в ботинках. Зимней куртки тоже не было. *Куда* она делась? В такую холодную погоду я не могла выйти на улицу раздетой.

Нет, я больше не находилась на улице. Каким-то образом я очутилась в крошечной ванной. Я поднялась на ноги, оценила обстановку: унитаз; раковина; ни зеркал, ни шкафов; стены голые, без окон. Было очень холодно, а на мне остались лишь джинсы и футболка.

Дверь не открывалась, хотя и не была заперта, потому что ручка поворачивалась. Скорее всего, снаружи была заперта на засов. Ко всему прочему, дверь была подперта чем-то тяжелым. Заглянув в крошечную щель между дверью и порогом, я разглядела непонятную, но явно прочную деревянную мебель.

Тони меня похитил. И я не сомневалась, что он вернется, чтобы закончить начатое. Я должна была найти способ выбраться из западни. Окон нигде не было, а это значит,

что единственная надежда оставалась на дверь. Несколько часов подряд я пыталась выйти наружу, сидя на жестком полу и колотя в дверь ногами. Пятки в результате покрылись кровавыми синяками. Вскоре отчаяние взяло верх. Никакие удары, никакое царапанье по двери и петлям до онемения в пальцах и крови на костяшках не дали результатов. Я попала в безнадежную ловушку.

Стоило адреналину и надежде на побег улетучиться, как разочарование от собственной беспомощности тут же впилося мне в грудь острыми когтями. Сил, чтобы выбить дверь, у меня не было. Ума на хитрый план не хватало. Мне оставалось лишь думать о способах, к которым прибегнет Тони, чтобы мучить меня и пытаться. Из головы никак не выходила мысль, что во время нашей встречи на улице он был лишен всякого сострадания или человечности. У него были глаза человека, которому больше нечего терять и не для чего жить.

Оставалось только одно — лечь на пол и плакать. Я редела до боли в животе. Рыдала так, что едва могла дышать. Я плакала до тех пор, пока в глазах не осталось слез. Лежа на полу в ванной и глядя на усыянный лампочками белый потолок, я ощущала лишь пустоту.

У меня не было сил, чтобы вытирать с лица горячие слезы. Усталость взяла верх. В попытке убежать из ловушки я использовала весь гнев и страх, а плач ничего не дал, кроме опухшего, красного лица. Свет погас, окутав меня мраком, который соперничал с растущим отчаянием и соответствовал дыре в моем сердце, где раньше жила надежда. Я лежала в темноте, залитая слезами и кровью. От новой реальности меня отвлек сон. Пока я была заперта в ванной, время для меня больше не существовало. Позже мне сказали, что я пропала на три дня — и это были, пожалуй, самые страшные и ужасные три дня в моей жизни.

Тони не приходил, не приносил мне еду. Я не знала, где находилась, не знала, чего он от меня хотел. Я понятия не имела, что он планировал: пытать меня, убить, оставить умирать от голода. Я ослабла и выживала только благодаря силе воли и воде из-под крана.

В ванной включился свет — очевидно, пришел Тони. Стало так ярко, что мне пришлось прикрыть глаза рукой, пока они не привыкли к свету. Последнее, к чему я была готова, это к столкновению, однако, когда услышала скрип мебели перед дверью, во мне что-то щелкнуло.

Инстинкт выживания и желание жить вызвали во мне прилив адреналина. Я не хотела становиться жертвой и уж точно не собиралась умирать без чертовски хорошей драки. Если мне было суждено умереть, я хотела уйти, зная, что забрала с собой добротный кусок Тони.

Дыхание громко отзывалось в ушах, сердце колотилось, кровь в жилах бурлила. Тони приближался.

Включенный свет позволил мне детально рассмотреть комнату. Увы, там не было ни зеркал, которые я могла бы разбить и использовать в качестве оружия, ни шкафчиков, которые я могла бы обыскать. Когда последний тяжелый предмет был отодвинут от двери, часть моего мозга, заблокированная голодом и страхом, взяла верх. И вот тогда мое внимание сосредоточилось на унитазе, вернее, на *крышке бачка*.

Я помню, что читала или видела где-то одно интересное замечание: если к вам в дом ворвутся злоумышленники, а у вас под рукой не окажется оружия, крышка бачка — отличный вариант, потому что она толстая и тяжелая. За несколько секунд до того, как задвижка открылась, я схватила увесистую крышку и повернулась к двери. Со всей силой, на которую было способно



мое тело, — силой, о которой я даже не подозревала, — я замахнулась самодельным оружием в направлении головы Тони (во всяком случае, я очень надеялась, что она окажется именно там).

Время одновременно ускорилося и замедлилося, когда крышка бачка столкнулась с его черепом. От этого удара я сама чуть не рухнула. Тело Тони натолкнулось на стену и повалилось вниз.

Я не стала дожидаться, пока он потеряет сознание. Бросив крышку, я перепрыгнула через него и выбежала из ванной настолько быстро, насколько могли выдержать мои ослабленные ноги. Я бежала босиком по подвалу, подгоняемая адреналином. Не обращая внимания на боль в сбитых пятках, я сосредоточилась только на выходе и пути к свободе.

Я неслась по лестнице, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. Однако моя растущая надежда вскоре угасла: я столкнулась с запертой дверью. Услышав шаги где-то позади себя, я принялась судорожно дергать ручку, но та была недвижима. В спешке и страхе я едва заметила три засова.

Как только я обернулась и посмотрела вниз, кровь в жилах превратилась в тяжелый свинец: я встретилась с полным ненависти взглядом. Внизу, у самого основания лестницы, стоял окровавленный, разъяренный Тони.

Времени, чтобы разглядывать причиненные ему травмы или выражение лица, уже не оставалось. Увидев Тони в непосредственной близости, я тут же развернулась к двери, не обращая внимания на сжатое от страха сердце и панику, которая старательно пыталась завладеть моим телом.

Слыша за спиной тяжелые шаги и чувствуя, как время медленно ускользало, трясущимися руками я наконец-то открыла засов. Практически провалившись

в дверной проем, я захлопнула дверь, надеясь задержать Тони и выиграть еще пару драгоценных секунд.

Добежала до массивной входной двери, руки автоматически потянулись к замку. Спустя миг я открыла себе путь к заветной свободе.

Я не останавливалась, не смотрела, где Тони и насколько он близок к тому, чтобы схватить меня. Стоило двери распахнуться, я в мгновение ока вылетела наружу. Босые ноги стучали по твердому бетону, неся меня на дорогу, на свежий воздух, который я раньше воспринимала как должное.

Солнце уже садилось, и по улице не проезжало ни одной машины. Первое, что пришло в голову, — бежать. Бежать, чтобы преодолеть как можно большее расстояние между мной и Тони. Я не обращала внимания ни на холодный воздух, ни на измученные легкие, ни на кровь, сочившуюся из ступней и смешивавшуюся с тонким слоем снега. Я продолжала думать о том, что оказалась близка, *так близка* к спасению.

Я пробежала, наверное, пару кварталов, прежде чем мимо проехала машина. Водитель затормозил, увидев растрепанную девушку без обуви, бегущую опрометью прямо по дороге. Неужели это Тони? Нет, это был не он. Пожилая женщина с добрым лицом, одетая в розовую водолазку, вышла из салона и бросилась ко мне, расспрашивая, что случилось и как меня зовут.

Я назвала свое имя, а она вздохнула и сказала, что сейчас же позвонит в полицию. Я больше ничего не говорила и не делала. В голове непрерывно повторялись только два слова: все закончилось.

Все кончено. Я была в безопасности. Я могла вернуться домой.

В то время я не знала, насколько я ошибалась.

В полицейском участке я рассказывала свою историю бесчисленное количество раз. Именно там я впервые осознала ненависть к бежевым стульям и пронзительному звону телефонов. Полиция обыскала дом Тони, его район и другие места, где он мог находиться. Они объявили его в розыск, но так и не нашли; он словно сквозь землю провалился, как будто его никогда и не существовало.

Они обещали не прекращать поиски и велели возвращаться домой, жить нормальной жизнью и звонить им в том случае, если я замечу что-то необычное. Другими словами, они похлопали меня по спине и пожелали удачи.

Однако я сомневалась, что битва закончилась. Они не знали Тони, не чувствовали его гнева, не видели, как ярость управляла его телом и разумом. Я была нужна ему не просто так. Он не стал бы вот так просто отпустить меня в счастливую жизнь.

С той секунды, когда мама привезла меня домой из полицейского участка, и в течение последующих недель я превратилась в параноика, который боялся находиться в собственном доме. Меня пугал каждый шорох, каждый взгляд незнакомца. Человек, жаждущий причинить мне боль, жил где-то рядом, и его не остановили бы ни полицейская ориентировка, ни запертая дверь.

Чуть позже начались телефонные звонки. Как только я отвечала, человек на другом конце линии сразу же вешал трубку. Мне часто звонили с неизвестного номера. Это не могло быть совпадением. Я не сомневалась, что это был Тони. Я стала отвечать только на мамины вызовы, но звонки все равно не прекращались.

Хотя голосовую почту он никогда не оставлял, я все равно слышала его на другом конце линии. Я слышала его ожидание, планирование, заговор — обещание, что он никогда обо мне не забудет. Я, конечно, сообщила

в полицию, и они попытались отследить звонки, но он всегда вешал трубку, даже когда полицейские убеждали меня вступить с ним в разговор.

Потом начали поступать угрозы. В адресованных мне записках говорилось, что я заслуживала смерти. Тони обещал восстановить справедливость, чего бы ему это ни стоило. Он обещал убить меня, как я убила Сабрину. Когда мама узнала об этом, она забрала мой ключ от почтового ящика, но я знала, что письма по-прежнему приходили, а она их читала.

Я не могла спать, не могла есть. Я стала тенью, оболочкой девушки по имени Тея, которая жила в постоянном страхе. Я начала изучать джиу-джитсу, тренироваться, чтобы набраться сил и научиться самообороне. Однако я постоянно нервничала; я не могла стать достаточно сильной, чтобы победить *его*.

А потом случилась последняя капля: когда мой друг подвез меня после школы, я обнаружила на светло-розовых стенах своей комнаты черную аэрозольную краску. Я стояла неподвижно, молча оборачиваясь и рассматривая причиненный вандализм. Вся поверхность четырех стен была покрыта угрозами смерти. Белая мебель, зеркало, плакаты — все, что касалось стены, — превратилось в сплошное пространство ненависти.

Тогда я поняла, что Тони был не просто искателем мести. Он напоминал дикого зверя, который знал, что его добыча попала в капкан, и забавлялся с пищей. Он дразнил меня, издевался, давал мне понять, что я в его власти. Тони говорил мне, что сможет без труда до меня добраться. Именно тогда у меня случился первый приступ панической атаки.

Придя в себя, я побежала к соседям, позвонила маме и в полицию. Конечно, они не смогли его найти. Они даже не смогли доказать, что это был *он*. Тогда было

решено, что лучший выход — это переезд. Они хотели, чтобы я забрала вещи и уехала в другой штат, оставив друзей, школу и собственную *личность*.

Федеральные агенты тоже были вовлечены в дело, потому что, как выяснилось, Тони был не просто отцом-преследователем, а человеком с криминальным прошлым. Они дали нам с мамой новые документы, новый дом, новую машину, устроили маму на новую работу. Они постоянно подчеркивали, как это важно — сохранять в тайне мою настоящую личность и всю историю. Если я оплошаю, Тони может найти меня. Никаких социальных сетей, никаких публикаций в интернете и, тем более, никаких рассказов людям.

В январе я стала Изабеллой Смит — одно из самых распространенных имен в США. Я стала блондинкой, сделала каре и каждый день выпрямляла волосы. От каштановых локонов не осталось и следа. Я надела безрецептурные очки в толстой оправе и начала новую жизнь.

Какое-то время все шло хорошо. Я ослабила бдительность, завела друзей, ходила на школьные мероприятия и просто жила нормальной жизнью. Около трех месяцев я наслаждалась покоем и начала с надеждой смотреть в будущее. Может быть, Тони перестал меня искать?

Вскоре я поняла, что все мои надежды оказались тщетны: на меня обрушилась новая реальность. И все повторилось сначала: звонки на новый номер, тяжелое дыхание на другом конце. Затем он начал оставлять голосовые сообщения, угрожая найти меня и *поплатиться*.

Агент Дилан, занимавшийся моим делом, заверял меня, что Тони не сможет отследить адрес. Однако его слова меня ничуть не успокаивали. Раз он смог найти

мой номер, значит, он мог найти и мой дом. Меня постоянно мучила паранойя, а здоровый сон практически исчез, поэтому я стала полагаться на снотворное.

Однажды, вернувшись из школы, я поняла, что что-то не так. В доме не было ничего лишнего, ничего того, что могло бы меня насторожить и навести на мысль о присутствии Тони. Но каким-то образом я почувствовала изменения в атмосфере, ощутила напряжение и страх, пронизывающие мое тело. Схватив бейсбольную биту, которую я по привычке держала у входной двери, я медленно поползла вверх по лестнице.

На цыпочках я прошла через весь дом. Затаивая дыхание от каждого скрипа, я приближалась все ближе и ближе к комнате. Но когда я заглянула внутрь, то не увидела ничего необычного. Черная краска не украшала белые стены угрозами смерти. Вздохнув с облегчением, я прислонилась к проему и опустила биту, смеясь над собственной паранойей.

Но потом я замерла. Видимо, я слишком рано радовалась. Мое внимание привлек предмет на кровати, который я точно туда не клала. Я подошла к нему на цыпочках, не смея сделать ни единого вдоха, как будто он мог превратиться в Тони и выполнить данные мне обещания.

Взглянув на дразнящий меня предмет, я в ужасе отпрянула. На моей кровати безобидно сидела кукла, в голову которой был воткнут острый кухонный нож. Ко всему прочему, кукла выглядела в точности как я — не как Тея, а как *Изабелла*. Видимо, желая еще раз продемонстрировать, что Тони знал, кто я такая, к кукле была прикреплена моя фотография в образе Изабеллы. Она была сделана пару дней назад, когда я выходила из школы. Я не знала, что меня снимали. Похоже, Тони следил за мной и фотографировал в разных местах.

Он знал, где я находилась, знал, как выглядела Изабелла. Он был в моем доме, в моей комнате, и никто об этом даже не догадывался. Уронив куклу на кровать, я сделала пару шагов назад, потрясенная тем, что Тони нашел меня и продолжал играть. Прежде чем я успела решить, что делать дальше, раздался громкий треск. Я инстинктивно пригнулась, вскинула руки над головой. В ту же секунду на меня посыпались осколки, оставляя крошечные порезы на руках. Как только стекло перестало сыпаться, я нерешительно взглянула на тяжелый предмет, влетевший в комнату, — кирпич. Я ментально бросилась к окну, но меня поприветствовали лишь задние фары машины.

Тони. Он был здесь. Он был снаружи, и он знал, где находилась я.

Я перешагнула через стекло, не заботясь о том, что на ногах были только носки, и подняла кирпич. К нему была прикреплена записка, написанная грубым почерком Тони: «Ты можешь бежать, *Изабелла*, но я всегда тебя найду».

Бросив кирпич на пол, я выбежала из дома и не останавливалась до тех пор, пока через несколько кварталов не добралась до дома подруги. Я не стала ничего объяснять, не стала оправдываться, почему я появилась перед ее дверью в крови, задыхающаяся и без обуви. Я просто спросила, могу ли я остаться у нее до приезда мамы, неуверенно пробормотав о том, что я потеряла ключи от дома. Я позвонила маме из ванной, а она уже позаботилась обо всем остальном.

Как и в прошлый раз, Тони не оставил ни следов, ни доказательств того, где он находился или куда мог пойти. После нескольких дней в гостинице, в течение которых я отказывалась спать, терзаемая паранойей, нас перевезли в другое место.

Мы с мамой вновь получили новые имена, новый штат, новый дом, новую машину, новую работу и новую школу. В мае я стала Хейли Джонсон, с прямыми черными волосами и голубыми линзами. Я думала, что на этот раз все будет иначе. Может быть, в роли Хейли я смогу жить нормально, завести новых друзей, участвовать в школьных делах и просто... жить.

Тогда я еще не знала, что из-за моей новой личности будут умирать люди.

В течение нескольких недель я страдала манией преследования. Я отказывалась принимать снотворное, что, в свою очередь, только усиливало панику. Круг неумолимо замыкался.

Спустя несколько недель, во время которых ничего необычного не происходило, я ослабила бдительность. Я почувствовала себя обычным подростком с обычными подростковыми проблемами. Я даже нашла работу на полставки в магазине одежды в торговом центре.

Мне нравилось быть Хейли. Меня окружали приятные люди, у меня появилось много друзей, и я даже сходила на пару свиданий. У меня был классный начальник и хорошая работа. Я работала с новой лучшей подругой Эшли, а в наши пятничные смены босс заказывал еду для всех сотрудников. Даже новый зал джиу-джитсу, куда мне пришлось перейти, оказался больше и лучше оснащен, чем два предыдущих. Я наконец-то почувствовала покой, как будто я наконец-то попала в место, которое можно было назвать домом.

Когда прошло три месяца без странных звонков и угроз смерти, я минут десять плакала от радости, а потом отпраздновала это событие, съев целый чизкейк с нутеллой и даже не пожалев об этом. Но, как всегда, мое счастье длилось недолго.